

Звездакова Ирина Викторовна

КАТЕГОРИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

В статье рассматривается проблема скрытых смыслов. Изучается соотношение таких понятий, как имплицитность, подтекст, приращение смысла, пресуппозиция. Имплицитность и эзотерический смысл трактуются как разные формы непроявленного знания. Определяется критерий для выделения эзотерических пресуппозиций, проводится сопоставление понятий подтекст и эзотерическая информация. Получает обоснование выделение эзотерического смысла среди других видов скрытых смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 60-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Образ дачи в русской поэзии представлен изображением важнейших пространственных зон: дома, пейзажного парка, сада, окрестностей, расположенных за естественной или искусственной границей, и их составляющих.

Постоянно встречающиеся образы, темы и мотивы, выразительные детали-подробности и яркая метафоризация-символизация позволяют прийти к выводу о своеобразии образа дачи, единым приемам в воспроизведении одной из самых заметных реалий царской России.

Образ дачи впервые изучается как самостоятельный применительно к русской поэзии XIX – начала XX в. Определение места и особенностей функционирования образа дачи служит для нас важным показателем развития русской поэзии рубежного времени. Несмотря на наличие современных исследований дачного хронотопа, авторы которых связывают с развитием дефиниции только процессы, происходящие в отечественной прозе, мы рассматриваем степень его присутствия и в лирике обозначенного периода, в которой гораздо нагляднее выражено отношение к образу жизни дачников, расставлены приоритеты в оценке окружающей их творческой обстановки или растлевающих пошлости и мещанства.

Список литературы

1. **Акимов Т. И.** Дача и усадьба: две парадигмы жизни // Усадьба реальная – усадьба литературная. Мелихово: Зебра Е, 2008. С. 230-251.
2. **Архитектура русской усадьбы.** М.: Наука, 1998. 334 с.
3. **Брюсов В. Я.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. 574 с.
4. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1965-1967. Т. 1. 595 с.
5. **Жаплова Т. М.** Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX века. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 427 с.
6. **Первушина Е. В.** Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII – начала XX вв. Владельцы, обитатели, гости. СПб.: Паритет, 2012. 368 с.
7. **Чернявская Н. А.** Образная репрезентация концепта «осень» в поэтическом тексте // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 205-208.

SPECIFICS OF CREATION AND FUNCTIONING OF AN IMAGE OF A SUMMER COTTAGE IN THE POETRY OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Yakovleva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
 Orenburg State University
 tmzhaplova@mail.ru, tb-yakovleva@yandex.ru

The article examines the problem of functioning of an image of a summer cottage in the Russian poetry. In this connection the authors investigate the originality of a spatio-temporal characteristic of a summer cottage, analyze the specifics of country realities, symbols, motives. Relying on the analysis the authors conclude that the similarity of subject-thematic schemes, stable range of images and motives, symbolic and metaphorical complex are integrated by the poets of the XIX – beginning of the XX century into the special countryside mythologeme.

Key words and phrases: image of a summer cottage; country space; motives; symbolization; realities; themes.

УДК 80

Филологические науки

В статье рассматривается проблема скрытых смыслов. Изучается соотношение таких понятий, как имплицитность, подтекст, приращение смысла, пресуппозиция. Имплицитность и эзотерический смысл трактуются как разные формы непроявленного знания. Определяется критерий для выделения эзотерических пресуппозиций, проводится сопоставление понятий подтекст и эзотерическая информация. Получает обоснование выделение эзотерического смысла среди других видов скрытых смыслов.

Ключевые слова и фразы: скрытые смыслы; имплицитность; пресуппозиция; подтекст; эзотерический смысл.

Звездакова Ирина Викторовна, к. филол. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (филиал) в г. Чайковском
 irinazvezdakova@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ И ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ[©]

В настоящее время в лингвистической науке происходит заметное оживление интереса к проблеме скрытых смыслов. При этом к скрытым смыслам относят «всякий смысл, вербально не выраженный (*мы бы уточнили: не выраженный специальными языковыми средствами – И. З.*) в тексте сообщения, но воспринимающийся адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции,

знаний о мире и имеющихся в тексте сообщения показателей» [20, с. 6]. Нет никаких сомнений в том, что умение выявлять и интерпретировать скрытые смыслы есть предпосылка к проникновению в замысел автора, что и объясняет появление большого количества работ, посвящённых этой проблеме.

Объектом рассмотрения становятся как различные виды дискурсов, так и специфика средств представления категории имплицитности на всех уровнях языковой структуры. При этом наблюдается большое терминологическое разнообразие в определении феномена языковой невыраженности. Для обозначения скрытых смыслов в лингвистической литературе используются разные термины – импликация, пресуппозиция (презумпция), подтекст, эзотерический смысл. Поэтому представляется целесообразным установить, в чём отличие эзотерического смысла от других видов скрытых смыслов.

Понятие имплицитности определяется исследователями в соотношении с понятием эксплицитности. Проблема соотношения эксплицитного и имплицитного в языке изучается многими зарубежными и отечественными лингвистами (И. В. Арнольд [1], Н. Д. Арутюнова [3], О. С. Ахманова [4], Л. Г. Бабенко [5], А. В. Бондарко [7], В. Г. Гак [9], К. А. Долинин [13], И. М. Кобозева [18], Л. В. Кушнина [19], Г. Г. Молчанова [21], Л. А. Нефёдова [23], Хоанг Фэ [26], Е. И. Шендельс [28] и др.). При этом учёные определяют эксплицитное как непосредственно выраженное совокупностью языковых знаков, а имплицитное – как содержание, прямо не воплощённое в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, но которое извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии [13, с. 38]. Л. В. Кушнина определяет не выраженные вербально смыслы как имплицитные явления, имеющие производный характер и реализующиеся опосредованно [19, с. 91]. Вслед за О. С. Ахмановой мы понимаем «имплицитный» как скрытый, подразумеваемый, неявно выраженный [4, с. 174]. При этом вслед за Н. Л. Мышкиной [22, с. 170] мы разграничиваем понятия «имплицитность» и «эзотерическое знание», хотя и относим оба эти явления к формам непроявленного знания.

В лингвистических исследованиях имплицитность рассматривают в двух аспектах – в узком и широком смысле слова (А. Е. Кибрик [16], И. М. Кобозева [18], Е. И. Шендельс [28] и др.). При этом первая относится к элементам языковой структуры, а вторая представляет собой категорию текста [Там же, с. 110].

Е. И. Шендельс полагает, что лингвистическая имплицитность присуща системе языка, в центре внимания учёных, исследующих имплицитность в узкой трактовке этого понятия, находится лексическая, грамматическая и синтаксическая семантика. При этом исследователь, указывая на неоднородность изучаемого феномена, говорит о существовании градации степеней имплицитности, отводя самые высокие уровни «глубинной», «скрытой» грамматике, отражающей структуру внеязыковой действительности [Там же, с. 109-120].

Имплицитность в широкой трактовке, как универсальная категория текста, имеющая сложный, интегрированный характер, является традиционным объектом исследования в лингвистике текста. При анализе данной категории рассматриваются как формы её выражения в тексте, так и компоненты, представляющие сущность имплицитности.

Тот факт, что уровни семантической структуры высказывания образуют иерархию, отмечает, например, Хоанг Фэ, отводя пресуппозиции самый высокий уровень в силу её роли в формировании семантики высказывания. При этом исследователь не приравнивает пресуппозиции к имплицитному содержанию высказывания, поскольку, по его мнению, пресуппозиции не имеют статуса сообщаемой информации, они служат базисом для эксплицитного семантического компонента, а в комплексе составляют основу для имплицитного семантического компонента [26, с. 400-401].

Понятие пресуппозиции по-разному трактуется разными авторами, что объясняется зарождением проблемы в недрах философии и последующим переходом её в область лингвистики. Аморфность проблемы пресуппозиции в лингвистике обусловлена, во-первых, отсутствием однозначного толкования категорий и терминов, связанных с пресуппозицией, и в пределах философии, во-вторых, наличием в пресуппозиции как лингвистической проблеме философских созначений и, в-третьих, отсутствием чётких разграничений между одним (Г. Фреге [31], Э. Кинен [32], Ч. Филмор [30], А. Цвики [35]) и другим, лингвистическим философским (Дж. Лакофф [33], Ф. Кифер [17]), подходами. Кроме двух названных существует прагматический подход к пресуппозициям (Н. Д. Арутюнова [2], Тойн А. ван Дейк [12], Е. В. Падучева [24], Р. Столнейкер [34]).

Необходимо отметить, что в лингвистических исследованиях отсутствует единство мнений относительно природы пресуппозиций – являются ли пресуппозиции лингвистическими по своей природе (предшествующими, если даже и имплицитно, предложениям) или же они суть психологические феномены (мыслительные состояния или наборы). В рамках психологического подхода пресуппозиция рассматривается как некоторый обязательный фонд общих знаний, предполагающий «предварительный договор» и обеспечивающий правильное понимание речевой коммуникации. Сторонники этого подхода особенно настойчиво подчёркивают внелингвистический характер явлений, подобных пресуппозициям (Д. Диз [29], Ш. Балли [6]).

В результате рассмотрения точек зрения сторонников лингвистической природы пресуппозиций и психологической В. А. Звегинцев делает вывод о «сомнительном характере» лингвистической природы пресуппозиции и указывает на наличие большей последовательности у тех учёных, которые настаивают на нелингвистической, понятийной природе пресуппозиций [14, с. 220-223].

Е. И. Шендельс, различая лингвистическую имплицитность в узком и широком смысле слова, рассматривает пресуппозицию как одну из составляющих имплицитности в широком понимании этого термина. Обращаясь к трактовке имплицитности Шарлем Балли, автор акцентирует внимание на сопутствии этого явления психическому процессу образования мысли и суждения и определяет пресуппозицию как совокупность фоновых знаний и симпрактического окружения [28, с. 112].

Отсутствие единого определения объясняет и наличие множества классификаций пресуппозиции, в основу которых заложены разные критерии. Отмечая, что пресуппозиции тесно связаны с большим числом важных лингвистических и философских проблем, Ф. Кифер выдвигает предположение, что пресуппозиции могут быть разделены вначале на (1) лексические и (2) нелексические пресуппозиции [17, с. 367]. По другому основанию можно выделить (3) экзистенциальные и (4) неэкзистенциальные пресуппозиции. Другая классификация пресуппозиций – это их разделение на частные (характеризующие) и общие, или универсальные, пресуппозиции [Там же].

Е. В. Падучева выделяет следующие типы пресуппозиций: категориальные пресуппозиции, то есть ограничения на семантическую сочетаемость; экзистенциальные пресуппозиции, то есть пресуппозиции существования и единственности; фактивные пресуппозиции. Кроме пресуппозиции как условия осмысленности и наличия истинности значения (семантические пресуппозиции) имеется понятие прагматических пресуппозиций [24].

Н. Д. Арутюнова приводит следующую классификацию пресуппозиций: 1) коммуникативно нерелевантные элементы значения слова и предложения (экзистенциальные пресуппозиции); 2) ситуативные условия, гарантирующие эффективность речевого акта (прагматические пресуппозиции); 3) обусловленность одного слова или предложения другим словом или предложением в тексте (синтагматические пресуппозиции); 4) побочные значения слова или предложения (коннотативные пресуппозиции); 5) представление говорящего о степени осведомлённости адресата речи (коммуникативные пресуппозиции); 6) представление говорящих о естественных причинно-следственных, уступительных и т.д. отношениях между событиями (логические пресуппозиции) [2, с. 84-89].

Некоторые исследователи в своей классификации пресуппозиций указывают на уровневый характер данной категории. Например, определяя вслед за Г. В. Колшанским пресуппозицию как «предварительные знания, текстовые и внетекстовые, задающие однозначный смысл высказывания», Н. Г. Семёнова [25, с. 207-210] выделяет две группы пресуппозиций: контекстные пресуппозиции и пресуппозиции фоновых знаний. При этом контекстные пресуппозиции своим источником имеют знание текста произведения, а пресуппозиции фоновых знаний основываются на знаниях читателя, обусловленных его предыдущим опытом. Как отмечает исследователь, проявление категории пресуппозиции в тексте заключается в том, что для определения значения какого-либо слова, входящего в высказывание, требуется привлечение специальных дополнительных знаний. *Таким образом, для выделения контекстных пресуппозиций и пресуппозиций фоновых знаний можно выдвинуть критерий «источник знаний».*

Учитывая всё вышесказанное, мы полагаем, что по критерию «тематика знания» можно выделить *эзотерические пресуппозиции*, которые представляют собой компоненты смысла, которые отражают законы взаимодействия человека и «Невидимой руки», касаются духовного в человеке и тем самым способствуют реализации в художественном тексте эзотерического плана. Определение пресуппозиции как некоторого обязательного фонда общих знаний позволяет говорить о фоновых эзотерических знаниях.

По мнению учёных, основой имплицитного семантического компонента является пресуппозиция, результатом же имплицитирования информации – подтекст.

Подтекст является объектом рассмотрения лингвистики и литературоведения. Неоднородность данного феномена, его «многоплановость, неопределённость и размытость» [10, с. 50] обуславливают отсутствие точного определения, которое полно и адекватно отражало бы суть подтекста.

Большинство исследователей полагают, что в основе подтекста лежит придание высказыванию дополнительного смысла, не вытекающего непосредственно из линейно реализуемых значений единиц текста (И. В. Арнольд [1], Л. А. Голякова [11], И. Р. Гальперин [10], Л. А. Нефёдова [23], А. М. Камчатнов [15], Л. А. Черняховская [27]). Подтекст понимается как дополнительная информация, запланированная автором текста, создаваемая намеренно и представляющая собой запрограммированное явление. Данная трактовка помогает определить функции подтекста: текстоорганизующую, информативную, прагматическую.

В то же время исследователи говорят о присутствии в формировании подтекста элементов бессознательного (Л. С. Выготский [8], И. Р. Гальперин [10], Л. А. Нефёдова [23] и др.). Бессознательное привносит элемент спонтанности, что сближает понятия «подтекст» и «приращения смысла». Для разграничения этих понятий И. Р. Гальперин вводит критерий «спонтанность – запланированность автором»: приращение смысла спонтанно «возникает в процессе реализаций лексических, синтаксических, композиционных особенностей сверхфразового единства, а подтекст сосуществует с вербальным выражением и сопутствует ему, он запланирован создателем текста» [10, с. 46]. Большинство учёных рассматривают подтекст как запрограммированное явление, составную часть замысла писателя, обязательную для восприятия.

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым разграничить понятия «подтекст» и «эзотерическая информация»: подтекст запланирован для обязательного восприятия, эзотерическая информация может быть намеренно зашифрована, спрятана, так как одним из критериев «эзотерического» является *закрытость знания для непосвящённых*.

Итак, мы разграничиваем понятия «имплицитность» и «эзотерическое знание», но считаем оба эти явления формами непроявленного знания. Основой формирования эзотерического являются эзотерические пресуппозиции, то есть те компоненты смысла, которые способствуют реализации эзотерического, отражая законы взаимодействия человека и «Невидимой руки», касаясь духовного в человеке.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): учебное пособие. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
2. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1973. Т. 32. № 1. С. 84-89.
3. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной литературе. 1985. Вып. XVI. С. 3-41.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
5. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика: учебник; практикум. М.: Флинта; Наука, 2003. 496 с.
6. Балли Ш. Французская стилистика. Изд-е 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
7. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 51-63.
8. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 341 с.
9. Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука, 1969. С. 77-85.
10. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
11. Голякова Л. А. Подтекст как полидетерминированное явление. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. 208 с.
12. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 319-336.
13. Долинин К. А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37-47.
14. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 306 с.
15. Камчатнов А. М. Подтекст: термин и понятие // Филологические науки. 1988. № 3. С. 40-45.
16. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
17. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 337-369.
18. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
19. Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003. 223 с.
20. Масленникова А. А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 1998. 35 с.
21. Молчанова Г. Г. ИмPLICATивные аспекты семантики художественного текста: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1990. 48 с.
22. Мышкина Н. Л. К основаниям синергетической теории языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: Издательство «РЕКПОЛ», 2008. С. 169-172.
23. Нефедова Л. А. Восприятие текста как активный когнитивный процесс // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск: Издательство «РЕКПОЛ», 2008. С. 172-176.
24. Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике [Электронный ресурс]. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/presumption-77.pdf> (дата обращения: 22.02.2015).
25. Семенова Н. Г. Взаимодействие пресуппозиции и информативности в стилистическом приеме алогического присоединения // Категории текста: сборник научных трудов. М., 1984. Вып. 228. С. 207-210.
26. Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 399-405.
27. Черняховская Л. А. Смысловая структура текста и её единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 117-126.
28. Шендельс Е. И. ИмPLICITность в грамматике // Вопросы романо-германской филологии: синтаксическая семантика: сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1977. Вып. 112. С. 109-120.
29. Deese J. The Structure of Associations in Language and Thought. Baltimore: The Jon Hopkins Press, 1965. 131 p.
30. Fillmore Ch. J. On the Organization of Semantic Information in the Lexicon // Papers from the parasession on the lexicon. Chicago: CLS, 1978. P. 148-173.
31. Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik. 1892. B. 100. № 1. S. 25-37.
32. Keenan E. L. Two Kinds of Presupposition in Natural Languages // Studies in Linguistic Semantics. 1971. № 1. P. 45.
33. Lakoff G. Linguistics and Natural Logic. The University of Michigan, Ann Arbor, 1970. 155 p.
34. Stalnaker R. Presuppositions // Journal of Philosophical Logic. 1973. V. 4. P. 447-457.
35. Zwicky A. M. On Reported Speech // Studies in Linguistic Semantics. 1971. № 1. P. 73.

THE CATEGORY OF THE IMPLICIT MEANINGS AND ESOTERIC MEANING

Zvezdakova Irina Viktorovna, Ph. D. in Philology
Perm National Research Polytechnic University (Branch) in Chaikovskiy
irinazvezdakova@yandex.ru

The article examines the problem of implicit meanings. The correlation of such notions as implicitness, subtext, augment of meaning and presupposition is examined. The implicitness and esoteric meaning are interpreted as different forms of knowledge not shown. The criterion for marking the esoteric presuppositions is defined; the comparison of notions of the subtext and esoteric information is conducted. Emphasizing the esoteric meaning among other types of implicit meanings is substantiated.

Key words and phrases: implicit meanings; implicitness; presupposition; subtext; esoteric meaning.